

«Зеленая дверца»: Разноцветные стеклышки».

Варпаховская О.Г., Мухаметшина Ю.И., Никулина Т.П., Солонина Н.С.

Центр ранней социализации «Зеленая дверца», Москва.

В детстве мы с подругами собирали разноцветные стеклышки. Стеклышки были загадочными частицами чего-то неизвестного, существовавшего до нас, через которые можно было смотреть на окружающий мир и чувствовать себя приобщенным к тайне жизни.

Предчувствие рождения: сиреневое стеклышко.

Когда 15 лет назад О.Медведева познакомила меня с идеей Зеленого дома Ф. Дольто (как известно, тогда еще не было книг Франсуазы Дольто на русском языке) я скорее почувствовала, чем поняла, что есть оригинальная идея облегчения детям адаптации к яслям и детскому саду. Идея заинтересовала, т.к. была пережита и в моей личной истории матери, когда мою 9-месячную малышку буквально отрывала от моего тела принимающая ее воспитательница, а я весь день ощущала телом этот разрыв и чувствовала, что совершила ужасный поступок. Идея Дольто представляла для меня и профессиональный интерес, изучавшего эту проблему с научной точки зрения..

Так с чисто утилитарного интереса началось мое познание неизведанной галактике - Ф. Дольто и ее Зеленого дома.

Помню, когда собралась группа педагогов, психологов, врачей, которые также захотели участвовать в реализации идеи Зеленого дома в Москве, то кроме знакомства с текстами о модели Зеленого дома, нам пришла в голову идея обратиться к нашим собственным самым ранним детским воспоминаниям. Каждый рассказал свою историю. И каково было наше удивление, когда оказалось, что все рассказы были о переживаниях связанных с расставанием с матерью.

Мне особенно запомнились две истории. Одна о том, как во время войны, в эвакуации мать отпустили на несколько часов к больной дочке. А она, став взрослой женщиной, продолжает чувствовать всю боль и горечь от всплывающей перед ней картины, где она смотрит в окно вслед покидающей ее матери. И сегодняшнее понимание того, что мать, скованная законами военного времени, никак не могла с ней остаться, не умаляет этой боли и именно эта история возникает у взрослой женщины, когда она старается оживить свои наиболее ранние детские воспоминания.

Вторая история воспроизводила выезд девочки с детским садом на дачу. Ее мама работала в этом детском саду, но в другой группе. Девочка плакала и просила, чтобы ее отвели к маме, но ей солгали, что мама уехала. На самом деле мама стояла тут же, за перегородкой, которая не доходила до пола и позволяла девочке видеть ноги матери. Те тяжелые чувства, которые девочка испытывала в тот момент она, как оказалось, продолжала помнить и именно они возникли в момент обращения ее к своим детским воспоминаниям.

Именование: розовое стеклышко.

Имя искали до рождения. Так же как во многих семьях, ожидающих ребенка. Хотелось, чтобы в имени присутствовало имя родителя (Зеленый дом) и то, что новое дитя еще только на пороге, только открывает дверцу в неведомый пока мир.

Название, конечно, пришло не сразу, но когда пришло мне в голову, почему-то возникло ощущение, что все, надо остановиться.

История возникновения имени всплыла через несколько лет, во время приезда Б. Краузенер, коллеги из Страсбурга. Показывая Бернадетте Москву, мы оказались на Рождественском бульваре, который входит в Московское бульварное кольцо и расположен недалеко от Покровского бульвара, где в ближайшем от него переулке, Подсосенском, и нашлось место для нашей «Зеленой дверцы». Проходя мимо одного из домов, я поняла, что он мне знаком, что мы подошли к дому, где располагалась, как тогда, во время

войны называли, женская консультация. Это было место, где принимали беременных женщин, была молочная кухня для грудных детей, кровати которых стояли в отдельной комнате, и было это маленькими яслями. Я сразу вспомнила себя стоящей у одной из этих кроваток, наверное, мне было года 3, потому что когда мне было 4 года, уже вернулся с фронта отец, и я перестала ходить с мамой на работу в женскую консультацию. Я узнала этот дом по двери. Для меня, ребенка, она казалась огромной и тяжелой. Это и действительно была старинная дубовая массивная дверь и с трудом открывалась даже взрослыми, что же было говорить обо мне. Я, конечно, не вспоминала об этом периоде своей жизни, когда размышляла о том, как назвать место для детей от 0 до 4. Но оказывается, в моей жизни был опыт общения с детьми этого возраста, и одним из глубоких впечатлений этого периода была дверь, которую я не могла сама открыть и ее открывала мне мама. И дома эти, оказалось, стоят, по московским меркам, почти рядом. Выслушав мой рассказ, Бернадетта спросила: «А «Зеленую дверцу» открывать трудно?»

Один вопрос. И я погружена в представленную мне уважительную многомерность. Кажется, я начинаю догадываться, что значит слушать. И что открывать дверцу нелегко, но радостно от ожидания Встречи. И еще вспомнились слова Ф.Дольто: «...Между людьми, поддерживающими общение, есть много не-логичного... и нам нужно возродиться для принятия и осознания этой не-логичности, которая иногда гораздо динамичнее, чем то, что логично и существует по законам логики. Наша речь, если она является спонтанной, одновременно с сознательным сообщением передает латентное, передает речь бессознательного».

Глубинное значение именованья тоже приходило постепенно. Главное – вопросы. Имя – это Я? А кто Я? Кто дал мне это имя? Родители? Кто мои родители? Это важно для ребенка, но и важно для «Зеленой дверцы». Что передали мне мои родители, а что есть мое лицо? Вижу я себя отдельным

звеном в общей цепи или Иваном не помнящим (наверное, скорее) не знающим родства?

Сон: темно-малиновое стеклышко.

Этот сон приснился мне примерно года в четыре. Т.е. когда отец вернулся с фронта. Наверное, я забыла бы об этом сне, как и о многих, забывающихся уже к утру. Но этот сон с кинематографической точность повторялся в течение жизни не один раз. Последний раз он приснился мне вскоре после смерти мамы, когда мне было уже 40 лет.

А сон такой. Мы с мамой поднимаемся по лестнице нашего дома к себе в квартиру, которая в реальности располагалась на последнем шестом этаже. Лестница во сне выглядит практически точно так же, как на самом деле: серая, запыленная, с грязными огромными окнами на два этажа и страшными неогороженными пролетами к которым я подходила с колотящимся от страха сердцем. Важно, что я понимаю, что мы идем с мамой вместе, но я не вижу ее. Вот остался последний пролет. Я поднимаю голову и вижу вместо нашей лестничной клетки яркий луг, пестрящий цветами, голубое небо, а на последней ступеньке лестницы с двух сторон стоят две громадные неподвижные фигуры. Это немецкие солдаты. Они стоят молча, тела их похожи на статуи, но я мгновенно испытываю смертельный страх. Именно смертельный, потому что в этой неподвижной тишине мне ведомо, что они отрубят маме, которую я продолжаю не видеть, голову. И хотя я не вижу всего этого ужаса, но в следующую секунду знаю, что это уже случилось. Я начинаю кричать во сне и, уже проснувшись, продолжаю кричать. Мама приходит на крик, но о том, что я видела во сне, я в детстве ей не рассказывала. Да мама и не спрашивала. «Спи, спи, - говорила она - я с тобой». Мама покидала свою супружескую постель, ставила стулья у моей кровати, и мы засыпали рядом.

Рождение: стеклышко цвета рябиновых ягод.

Этот день, когда Зеленая дверца открыла все свои двери посетителям, был праздником. Во дворе детского сада, где поселился наш центр, алело рябиновое дерево.

Собрались, как и полагается, родственники: К. Дольто, В.Барраль, коллеги из швейцарского Зеленого дома «Воздушный змей» и много наших московских друзей, которые поддерживали нас и искренне радовались тому, что пуповина перерезана, и первенец российских Зеленых домов появился на свет. Нам придавало силы то, что в тот день собрались люди, которые слышали Ф. Дольто, обсуждали с ней все то, что нам еще предстоит открыть для себя.

А открывать мы начали, вместе с текстами Дольто, что «с перерезанием пуповины, происходит второе, языковое, рождение, без которого нам не удастся стать самими собой, погрузиться в предшествующий код, общий для нас и наших родителей, помогающий обрести нашу природу, включая и те элементы культуры, которым закодирован язык». Происходит рождение социального существа.

Телефон: прозрачное стеклышко, которое сияет всеми цветами радуги, когда на него попадают лучи солнца.

В комнате принимающих звонит телефон. Снимаю трубку.

- Это Зеленая дверца? Как к вам можно записаться? Какие для этого нужны документы?
- К нам не нужно записываться. Не нужны никакие документы. В Зеленой дверце принимают всех детей до 4-х лет и сопровождающих их взрослых
- А что нужно?
- Сменная обувь Вам и вашему ребенку.

Небольшая пауза и осторожный вопрос:

- А сколько это стоит?
- У нас нет фиксированной платы. Каждый вносит столько денег, сколько позволяет ему его бюджет на содержание помещения и оборудования «Зеленой дверцы».

Очень часто следует вздох облегчения, слышимый даже в телефонную трубку.

Дальше начинаются обычные вопросы о том, как проехать, какие часы работы, когда выходной.

- Сколько времени мы сможем здесь быть?

- Вы сами решите, сколько времени вы пробудете.

- А какие занятия вы проводите с детьми?

- Никаких. Ребенок здесь будет находиться вместе с вами и со всеми, кто пришел в это время к нам.

- А что же он будет делать?

- Он будет играть, пытаться знакомиться с другими детьми и взрослыми, решать для себя важные жизненные проблемы. Вы вместе проживете это время среди других детей и взрослых. А мы, встречающие вас здесь, постараемся вам в этом помочь.

Меня благодарят за информацию и обещают непременно прийти

Как правило, открыв для себя «Зеленую дверцу», родители приходят сюда не один раз, выбирая для этого день, когда работает понравившаяся им тройка принимающих и встраивая этот день в свой семейный график.

Вижу знакомое детское лицо, пытаюсь вспомнить, кто пришел. Но вопрос об имени задается неизменно: «Я помню тебя и твою маму, но сегодня в Зеленой дверце много тех, кто еще с тобой не знаком. Назови свое имя, представься, и я запишу его на доске вместе с именами других детей, пришедших в «Зеленую дверцу» сегодня». Часто отвечает сам ребенок, иногда, добавляя, Иван Георгиевич. Бывает, что за него, даже говорящего, отвечает мама или папа. Младенец на руках у родителей, когда спрашивают о его имени, смотрит во все глаза – и рад, мол, сказать, но еще не умею, но прекрасно понимаю, о чем вы.

Вот и еще один посетитель открывает для себя жизнь среди других детей и взрослых.

Удивление: желтое стеклышко.

Совсем маленький ребенок, даже иностранец, возможно впервые услышавший русскую речь, понимает то, о чем ему говорит принимающий. А многие взрослые, приходя с детьми в "Зеленую дверцу" и видя обращение принимающих к ребенку с речью говорят: "Вы думаете, он (или она) понимает то, что вы ему (ей) говорите?". А на вопрос: "А как вы думаете, когда же ребенок начинает понимать обращенную к нему речь?" недоуменно пожимают плечами.

Или еще. Мама годовалого малыша, крепкого, уже твердо стоящего на ногах, не без труда отрывает его от пола и пытается посадить на лошадку. Малыш сжал ножки и мама, с трудом разжимая их, усаживает ребенка. Головка малыша повернута в сторону, где

раздаются веселые голоса других детей. «Петя, мама хочет, чтобы ты покатался на лошадке, а что хочешь ты?» На лице мамы удивление. «Он вчера с удовольствием катался на лошадке, он это любит!»

Мама двоих детей, трех и полутора лет, сидит на диване, а около нее на полу стоят двое ее детей: мальчик и девочка. Мальчик обхватил сестру за горло и крепко сжимает. «Смотрите,- привлекает мое внимание мама,- как Вася любит Катеньку». Вася смотрит на меня выжидательно. «Ты хотел бы сейчас стоять около мамы один»,- спрашиваю я. «Да, громко отвечает мальчик». Мама смотрит на меня с удивлением.

Трамвай: темное стеклышко.

До «Зеленой дверцы» можно доехать на трамвае от станции метро «Чистые пруды». Многие мамы с детьми приезжают в «Зеленую дверцу» именно таким путем. Правда трамвай ходит редко и часто бывает, как говорится «битком набитый». Совсем недавно ввели систему оплаты в транспорте при входе, а раньше приходилось передавать деньги за проезд из рук в руки по всему вагону до водителя или автоматов, пробивающих билетки. Наиболее распространенный способ передачи выглядел следующим образом: тебя неожиданно толкали в спину и, молча, протягивали деньги или билетик. Словесные просьбы были крайне редки.

Эта картинка вспомнилась мне совсем недавно, когда я возвращалась домой после дня, проведенного в Зеленой дверце, и вспоминала, казалось бы, далекие от трамвайной истории встречи маленьких посетителей «Зеленой дверцы».

Среди посетителей «Зеленой дверцы» всегда есть кто-то, кто пришел сюда в первый раз, а есть и те, кто приходит не в первый, и у кого есть уже свои приятели. В этот день были две запомнившиеся мне сценки. Встречаются два мальчика двух с половиной лет. Знакомцы, на лицах радость от встречи. Один с улыбкой сильно толкает другого в грудь. Второй от неожиданности падает, вскакивает и, уже полный обиды и агрессии, готов набросится на приятеля. Между ними есть еще пространство и время для слов, и я произношу: «Коля очень рад тебя видеть, но он силу своих чувств выразил руками, и это оказалось тебя неприятно. Может быть лучше сказать словами о радости вашей встречи?» «Коля, ты рад видеть Петю?» - «Да, очень». —«Ты хотел с ним поиграть?» - «Да». Прижатые к бокам руки со стиснутыми кулаками опускаются, лица разглаживаются и мальчишки бегут к своим излюбленным машинкам.

В «Зеленой дверце» часто бывает так, что в один и тот же день одни и те же детские вопросы повторяются. Так и в этот день. Ушли домой Коля с Петей, пришли другие посетители, но «трамвайная» тема была поднята снова. Теперь уже прямо у порога. Зашла

мама с дочкой, примерно того же возраста, что и Коля с Петей, и радостно выбежал ее встречать ее знакомый мальчик. Катя еще не сняла пальто, стоит у двери и, похоже, что еще не вполне переключилась от событий до дверцы к жизни в ее пространстве. Но ее друг полон энергии и радости встречи. Очень похожим жестом, каким Коля приветствовал Петю, Катин знакомец толкает теперь ее в грудь. Катя не только падает, но и больно ушибается головой о дверь. Радость на лице мальчика сменяется недоумением и страхом за последствия от его поступка одновременно. И в этот раз ситуацию разрядило слово. «Я понимаю, как тебе больно, но Вася бежал встретить тебя и сказать, что рад вашей встречи. Он забыл, что мог бы сказать это словами». Катя уже не всхлипывает, а слушает и вопросительно смотрит на Васю. Вася светлеет и говорит громко и с воодушевлением: «Да, я рад что ты пришла, очень». Катя улыбается и спешит переодеться. Вася терпеливо ждет подружку.

Принимающие: зеленое стеклышко.

И все-таки что такое быть принимающим? Чем он отличается от принимавшей мою дочь воспитательницы ясельной группы детского сада, врачей, принимающих беременных женщин в женской консультации моего военного детства? Есть еще приемщица белья, посылок, которых я уже девочкой подростком побаивалась. Они имели непонятную пугающую власть надо мной. Я боялась, что не так заполнила квитанцию или неправильно пришила метки на белье. Встреча с незнакомым человеком представляла для меня, прежде всего, опасность.

Во французском языке есть два разных слова для обозначения того, что мы называем приемом. Reception и accueil/ Технический прием (reception) у кого-то чего-то и (accueil) прием одним человеком другого, встреча людей друг с другом. Встреча равных.

Принимающие анонимны, как и приходящие в «Зеленую дверцу» мамы и папы. Как важно понять важность идеи встречи просто людей, готовых к разговору о самом важном для человека: семье, рождении детей, любви, уважении, сомнениях, тревогах. Говорить не о детях вообще, абстрактных детях, которых не существует, а говорить об этом конкретном ребенке,

который внимательно слушает, что говорит его мама и главное, говорить с ним самим.

Говорить не о простых людях, которые такая же абстракция, а, наконец, разглядеть, что твой собеседник состоит не из шелухи различных ярлыков, а что он, прежде всего, уникальный человек. Почувствовать свою ценность человека и ценность человека другого.

Кажется ничего нового. Но каждый день встреч в «Зеленой дверце» проверяет тебя на прочность способности принятия иного. Как освободить себя от власти высшего знания? (Например, «Я-то хорошо знаю, что кормить грудью детей после года - создавать ребенку (ребенку вообще!) психические проблемы). Как принять самой право матери на ее собственный путь, а мое слово может быть только предложением и прежде всего предложением высказаться самой маме, дать простор для речи ребенка.

Мне помогали слова Дольто: «Если мы скажем, я уважаю тебя во имя прав индивидуума – это ничего не значит. Это только слова... Это должно идти изнутри. Это должно быть внутренним убеждением взрослого, который их произносит... Центр человека, который говорит с другим человеком, находится в центре этого собеседника, я – это тот, кто находится в центре своих детей, жены, тех кого он любит, и все представители рода человеческого совпадают в одном, имеющем общее для них происхождение... Отвергнуть другого значит отвергнуть часть самого себя».

Как важно для становления принимающего эта объединяющая людей позиция.

Принимающие: темнозеленое стеклышко.

Я однажды сидела и вспоминала, как несколько лет назад пришла работать в детский сад. До этого я много лет проработала в школе, где все было ясно: вот учебник, вот дети, которые должны этот учебник переварить.

До этого я приходила в детский сад только как мама, которая, отведя ребенка в группу, каждое утро переживала: что с ним происходит за закрытой дверью, как он справляется со своими трудностями.

Сейчас я оказалась по другую сторону двери детского сада, но мне не стало легче. Страх, непонимание, ужас в глазах детей, которых первый раз привели в группу. Они как инопланетяне не понимают, где оказались, им никто толком ничего не объяснил. Родители тоже находятся не в лучшем состоянии, да и я оказываюсь им плохим помощником. Прежде всего потому, что я не находила слов, необходимых правдивых и успокаивающих слов для этих детей. Наверное, еще и потому, что я их просто не понимала.

Не находились слова и для родителей, которые молча смотрели на меня с не меньшей тревогой, чем их дети. Иногда все-таки кто-то решался, словно оправдываясь, сказать: «Он у нас очень не самостоятельный» или даже: «Мы друг без друга никуда, даже спим вместе».

Мы были одиноки все: я, дети и родители.

Но вот я узнаю о «Зеленой дверце». Когда мне посчастливилось открыть ее, то в первый момент в моей голове все перевернулось. Сначала я была в ужасе, что неправильно воспитывала своих детей и что уже ничего не исправишь, потом все-таки подумала, что дети выросли и вроде бы неплохие. Но как важно вовремя сказать те слова, которые ждет ребенок, услышать, что он говорит тебе, даже тогда, когда ребенок еще не владеет вербальным языком, отозваться на его чувства.

Перешагнув порог З.Д. - я перешагнула в другие отношения, повернулась ушами, глазами к ребенку. Я открыла дверь к себе самой. Мои детские переживания буквально захватили меня. Оказывается, ничего не забыто: обиды, слезы, страх, ненависть. Это одновременно и чудо и боль возвращения к себе. Мне кажется, я возвращаюсь к самой себе, обретаю всю полноту своей личности.

Говоря в «Зеленой дверце» о малышах, о взрослых, я говорю и о себе, о своих детях, о своих родителях, об очень личном. У меня сохранился рисунок моего сына, который он нарисовал в 4-х летнем возрасте. Я представляю вам его без комментариев.

Теперь у меня растут две внучки. Мне кажется, я лучше стала понимать их переживания.

Научиться жить в обществе среди других – трудная задача, научиться вступать в отношения с другими – еще труднее. Ты не центр мира, но ты тоже важная его часть. В «Зеленой дверце» об этом не только говорят, в этой атмосфере живут. Приходя сюда, ребенок не остается один на один со своей тревогой. Можно получить опыт самостоятельности и независимости рядом с мамой, в ее, создающем безопасность, присутствии. А после «Зеленой дверцы» - мир детского сада не кажется уже таким страшным ни для мам, ни для детей, ни для воспитателей, которые не только воспитатели, но и слушатели, и принимающие.

Калейдоскоп: многоцветье.

Я хорошо помню, что когда я впервые заглянула в крошечное окошечко калейдоскопа, то все мое существо замерло от восторга и ощущения чуда. Оказывается, маленькие разноцветные стеклышки могут от одного твоего еле заметного движения вдруг ожить и удивить тебя совершенно новой неожиданной картинкой. Пораженная такой необычностью, я стараясь не дышать, рассматривая очень внимательно волшебную трубочку, особенно с той стороны, где за матовым стеклом еле заметно было видно присутствие стеклышек. Как же так получается, думала я, стеклышки новые попадать в трубочку не могут, а картинки каждый раз получаются разные. То, что из разных частичек можно создавать разные узоры я понимала, но из одних и тех же?

Встречи в Зеленой дверце снова воскресили во мне этот живительный восторг перед калейдоскопом. Наверное, самое главное заключается в том, каким образом мы, люди, взаимодействуем друг с другом, какой гранью поворачиваемся навстречу друг к другу. Радующая картинка в калейдоскопе создается тем, что каждое стеклышко находит свое место в узоре и выделяется именно благодаря своему окружению. Любые действия человека, писала Дольто, «имеют смысл лишь в сообществе с другими людьми и ради других людей». Самое важное у человека не тело, человек становится человеком, развивается – в стремлении вступить в коммуникативные связи, существующие между людьми. Коммуникация является главным параметром, если она ведет к взаимному удовольствию вступивших в нее» Жить – это значит изо дня в день поддерживать связь с другими и что-либо строить».

